

Ипполит Федорович БОГДАНОВИЧ (1743 — 1803)

— известный поэт. Родился 23 декабря 1743 г. в м. Переволочне Полтавской губернии. Еще в детстве Богданович, как сообщает он в своей автобиографии, выказал склонность к «чтению книг, рисованию, музыке и стихотворству, к которому особенно получил вкус чтением стихотворных сочинений Михаила Васильевича Ломоносова». На одиннадцатом году он был отправлен в Москву для «приказной службы» и там записан в юстиц-коллегию юнкером. Президент коллегии позволил ему одновременно заниматься в математической школе при сенатской конторе. Хотя Богданович «по успехам в математике считался между первыми отличнейшими учениками», но его более влекло к поэзии и особенно к драматическому искусству. Однажды 15-летний Богданович явился с намерением поступить на сцену к бывшему в то время директором московского театра Хераскову; по словам Карамзина, Херасков убедил юнкера в «неприличности актерского звания для благородного человека» и записал его

слушателем университета, приютив его у себя в доме. Богданович выучился иностранным языкам и прошел «правила языка и стихотворства». В 1760 г. он стал печатать в выходившем при университете журнале «Полезное увеселение» свои первые пробы пера, которые были, даже по отзывам современников, «далеки от совершенства». В 1761 г., по окончании образования, Богданович был назначен надзирателем при университетских классах, с чином офицера, а через год переведен в комиссию торжественных приготовлений к коронованию Екатерины II, с поручением сочинять надписи для триумфальных ворот. В 1763 г., по ходатайству «благодетельницы», Е. Р. Дашковой, Богданович поступает переводчиком в штат графа П. И. Панина. Тогда же, при личном участии княгини, Богданович издает в течение полугода журнал «Невинное упражнение», где, кроме статей и мелких оригинальных стихотворений, поместил перевод поэмы «На разрушение Лиссабона» Вольтера, воспевал «премудрую» Екатерину за то, что «век златой дала узреть», и «дедиковал» графу Панину перевод (с французского) «Малой войны, описанной майором в службе короля прусского». В 1765 г., в бытность переводчиком иностранной коллегии в Петербурге, Богданович издает свою поэму «Сугубое блаженство», в трех песнях, посвященную наследнику Павлу Петровичу, и переводит трехактную комедию Вольтера «Нанина, или Победенное предрассуждение». Время с 1766 по 1769 г. Богданович проводит в Дрездене, в качестве секретаря нашего посольства. В Петербурге, в течение наиболее продуктивного периода своего авторства (1769-1775), Богданович перевел разные статьи из французской энциклопедии, «Сокращение из проекта о вечном мире» (из Сен-Пьера), «Историю о бывших переменах в Римской республике» аббата Вертота, издал собрание своих оригинальных и переводных стихотворений под общим названием «Лири», «имел главное смотрение» за изданием «СПб. Ведомостей» и, наконец, по выражению Карамзина, «положил на алтарь Граций» свою «Душеньку», задуманную им еще в бытность за границей; некоторые

места поэмы, несомненно, навеяны картинами дрезденской галереи. Успех поэмы был огромный. Еще до напечатания она распространилась в многочисленных списках. Сама императрица, по рассказу Карамзина, «читала Душеньку с удовольствием и сказала о том сочинителю». За нею и придворные «старались изъяслять ему знаки своего уважения и твердили наизусть места, замеченные монархинею. Тогдашние стихотворцы писали эпистолы, оды, мадригалы в честь и славу творца Душеньки». После «Душеньки» Богданович не сочинил ничего выдающегося даже по понятиям того времени. Между 1775 и 1790 годами Богданович, уже «с небрежением, как будто бы нехотя, или в дремоте гения», написал I часть «Исторического изображения России» (доведенного лишь до 1015 г.), «Радость Душеньки, лирическую комедию, последующую балетом», драму «Славяне» небольшое количество мелких стихотворений, напечатанных в «Собеседнике любителей Русского Слова». Во исполнение воли императрицы, Богданович собрал и издал русские пословицы, переложив их в стихи, и сочинил 3 театральные пьески на тему им же придуманных поговорок. «Венок Душеньки», по выражению Карамзина, «остался единственным на голове Богдановича». В 1780 г. Богданович был назначен членом новоучрежденного государственного архива, а с 1788 г. состоял в нем председателем до выхода в 1795 г. отставку. В 1796 г. Богданович поселился в Сумах, где готовился вступить в брак, но вскоре, по невыясненной причине, был вынужден расстаться с своей невестой. В 1798 г. Богданович переехал в Курск, откуда пространной одой, бывшей уже лебединой его песнью, приветствовал вступление на престол Александра I. Умер Богданович 6 января 1803 г. Поставленный на могиле Богдановича в 1834 г. памятник, в виде статуи Психеи («Душеньки»), в 1894 г. был возобновлен и перенесен в городской сквер. Смерть Богдановича произвела сильное впечатление на современное ему общество. Редакция «Вестника Европы» (1803, № 3) объявила конкурс на лучшую эпитафию Богдановичу. В посвященных его памяти стихах благодарные современники называли Богдановича любимцем муз и граций и даже «гением», «так мило» воспевавшим Душеньку.

Зефир ему перо из крыл своих давал,
Амур водил рукой: он Душеньку писал, —

говорит Платон Бекетов в надписи к портрету Богдановича.

Знаменитая поэма Богдановича — произведение не оригинальное. Содержание ее заимствовано из повести Лафонтена «Les amours de Psyche», в свою очередь, почерпнутой из сатирического романа Апулея «Золотой осел». Древний миф, изображающий у платоника Апулея в аллегорических образах, судьбу души человека, очищаемой суровыми испытаниями, впоследствии не раз воспроизводился в живописи, скульптуре и поэзии. В конце XVII столетия Лафонтен превратил религиозно-поэтическую аллегорию в остроумную и пикантную новеллу. В «Юпитерово время», — гласит поэма Богдановича, — жил мудрый царь, с тремя прекрасными дочерьми, из которых младшая, Душенька, была столь поразительной красоты, что ее не только смертные, но и амур и зефир, оставив Венеру, «особо обожали». Оскорбленная богиня приказывает своему сыну Амуру «за дерзость Душеньку порядком пострадать». Душеньку вдруг покидают все «вдыхатели». Родители «несчастной» дочери обращаются к оракулу и, согласно его «бестолковому» изречению, отвозят Душеньку «на самую вершину неведомой горы» и оставляют ждать там чудовище, которому судьбой обречена она в супружество. Невидимый Зефир переносит Душеньку в великолепный дворец Амура, где «полки духов» ей прислуживают и развлекают ее «райскими утехами». Ее супруг Амур, не открывая своего вида, посещает ее под покровом ночи или в темноте грота. По просьбе Душеньки Зефир переносит к ней ее сестер, которые, «завистью дыша», уговаривают Душеньку убить во время сна таинственное «чудовище». При свете лампы Душенька видит «на месте аспида» спящего бога любви и, любясь им в немом восторге, нечаянно проливает на него горячее масло. Амур от боли просыпается и покидает ее. Очутившись на той самой горе, где она была оставлена своими родителями, Душенька в отчаянии пытается лишить себя жизни «всеми видами

смертей!»! Но невидимая сила всякий раз спасает ее. После многих мытарств Душенька приходит к Венере, которая осуждает ее на тяжкие испытания, с целью «привести сколь можно в дурноту». Между прочим, ей приказано сходить в ад к Прозерпине и принести от нее «некакий» закрытый горшочек. Подстрекаемая любопытством, Душенька раскрывает горшочек; оттуда тотчас вылетает черный дым, покрывающий лицо и грудь Душеньки несмываемой чернотой. Душенька с отчаяния прячется от всех в пещере. Но Амур, отомстив злым сестрам Душеньки, является к ней в пещеру, примиряется с Душенькой, объявляет в грамоте во всеобщее сведение, что

Закон времен творит прекрасный вид худым,
Наружный блеск в очах преходит там как дым,
Но красоту души ничто не изменяет:
Она единая всегда и всех пленяет.

Венера возвращает «снохе» за перенесенные страдания прежнюю красоту, и боги соединяют Психею с Амуром навеки. Вышеприведенное четверостишие, по мысли автора «Душеньки», должно формулировать возвышенную мораль поэмы, лежащую и в основе древнего мифа. Но такая идея вовсе не вяжется ни с тоном, ни с подробностями содержания игривой поэмы. Несоответствие идеи произведения и его основной ткани с нынешней точки зрения — крупнейший недостаток. Но современники Богдановича не замечали в поэме тех слабых сторон, на которые указала позднейшая критика. Успех ее продолжался более полувека. Еще в 40-х годах она находила читателей среди простонародья, для которого офени разводили по ярмаркам лубочное ее издание, (ср. Губерти, «Материалы для русской библиографии», вып. II, стр. 128). Впервые книга «Душенька» явилась в печати в 1778 г. Через пять лет ее издал в полном виде приятель Богдановича, Алексей Ржевский, с предисловием, являющимся отголоском взглядов тогдашнего общества. Первый по времени обстоятельный отзыв о «Душеньке» принадлежит Карамзину, напечатавшему о Богдановиче большую критико-биографическую статью тотчас после его смерти в «Вестнике Европы» (1803, № 9 и 10). Сличая поэму Богдановича с повестью Лафонтена, Карамзин пришел к выводу, что «Душенька» «во многих местах, приятнее и живее» своего оригинала, так как Богданович, «не выпуская из глаз Лафонтена, идет своим путем и рвет на лугах цветы, которые укрылись от французского поэта». Главная заслуга Богдановича в том, что он «первый на русском языке играл воображением в легких стихах: Ломоносов, Сумароков, Херасков могли быть для него образцами только в других родах». Батюшков, ближайший преемник Богдановича в области «легкой» поэзии, видел в «Душеньке» «истинный и великий талант». Пушкин, не признавая Богдановича «великим», упоминал о нем как о «милом» поэте, находил в его поэме «стихи и целые страницы, достойные Лафонтена» и даже подражал Богдановичу в «Руслане и Людмиле». Баратынский называл Богдановича «поэтом живым, затейливым и нежным, всегда пленительным, хоть несколько небрежным». С течением времени благосклонное отношение к автору «Душеньки» переходит в беспощадный над ним приговор. Еще в 1813 г. П. Вяземский считал недостатками поэмы однообразие, отчего «Душенька» напоминает «цветок свежий и красивый, но без запаха», смешение греческой мифологии с русским сказочным эпосом и склонность автора к «шутовству». Белинский в «Литературных Мечтаниях» (1834) отозвался о «Душеньке» как о произведении «не без достоинств, не без таланта», но 7 лет спустя полагал, что «труда и поту стоит прочесть» пресловутую сказку, написанную неуклюжими стихами, с насильственными ударениями, «лишенную всякой поэзии, игривости, грации, остроумия». Самая обстоятельная оценка всей литературной деятельности Богдановича была сделана А. Галаховым в «Отечественных Записках» (1849, № 5). Подробное сравнение поэмы Богдановича с повестью Лафонтена и рассказом Апулея привело Галахова к выводу, что «Душенька» — комическая пародия на мифологический мир Греции и могла бы быть названа «Психеей, вывороченной наизнанку». Вместе с тем, он усматривает историческое значение Богдановича для дальнейшего хода русской литературы в том, что в «Душеньке» совершен «счастливый поворот от затворничества поэзии, от кабинетной книжности к общенародному служению — совершен

легким тоном поэмы, сближением ее выражения с выражением житейским». — Остальные произведения Богдановича ничем не замечательны. Комедия «Радость Душеньки» состоит в том, что боги скакали сороками и через голову кувыркались, чтобы разогнать тоску Душеньки, не любящей ничего «блистающего». В драме «Славяне» автор заставляет Александра Великого как любителя капусты и «простых славянских нравов» беседовать с «простодушной» огородницей Потапьевной. Другие театральные представления Богдановича пусты и безжизненны. В области лирики Богданович дал образцы духовных и торжественных од, хвалебных гимнов, стансов, посланий, песен, эпиграмм, басен, надписей, эпитафий и других мелких стихотворений. Его песнопения высокопоставленным особам — изделия ремесленного стихотворства в духе тех самых одописцев, над которыми сам Богданович иронизирует в своей «Душеньке». Любовные стихотворения Богдановича, из которых особенной славой пользовалась песня «Пятнадцать мне минуло лет», — неграциозны, и подчас нескромны (например, «Идиллия»); его басни и притчи не занимательны, эпиграммы — вялы и плоски. Значение наиболее удачных из этих стихотворных опытов — исключительно стилистическое. В предисловии к «Историческому изображению России», представляющему неудачное извлечение «наиважнейших сведений», главным образом, из истории трудолюбивого и почтенного Щербатова, Богданович заявляет, что он не избегает употребления слов «нынешних», не считая за маловажное соглашаться с простонаречием живых людей. С этой стороны автор «Душеньки» еще не оценен. Богданович обратил внимание и на народную поэзию. Он пытался ввести народный поэтический элемент в свою «Душеньку»: в поэме, наряду с Гесперидами, зефирами и драконами упоминаются Кощей-Бессмертный, Царь-Девушка, кисельные берега, мертвая и живая вода, Змей Горыныч и прочее. Офранцузенную Психею Богданович перерядил в русский национальный сарафан. В его собрании «Русских пословиц в подправленной стихотворной форме» «чистое золото неподдельной поэзии и народного смысла», по справедливому замечанию Галахова, заменила «бесцветная, хотя и сглаженная речь». По словам Карамзина, Богданович отличался «природной откровенностью», «милым простосердечием»; «никто не замечал в нем авторского самолюбия». Отсутствие авторского самомнения у Богдановича, вероятнее всего, объясняется тем, что Богданович свое авторство, по примеру большинства тогдашних писателей, ставил гораздо ниже своей службы. «Я с Пиндаром не тщусь быть славою возвышен, Не славным в свете я, полезным быть хочу», восклицает Богданович в «Сугубом Блаженстве». Оценивая деятельность Богдановича с исторической точки зрения, нельзя не признать за ним довольно важной заслуги в истории русской литературы. В эпоху тяжеловесных поэм и напыщенных од он написал поэму, которая долго считалась превосходным образцом «легкой» поэзии. Будучи сам воспитан в псевдоклассической школе под непосредственным руководством Хераскова, Богданович сделал попытку, вопреки господствовавшим литературным понятиям, ввести в поэзию «простоту и вольность» — вольный по количеству стоп и чередованию рифмы стих и легкий, простой язык. Но, лишенный поэтического дара, Богданович не оказался в силах порвать с преданиями школьной пиитики. Главная его заслуга состоит в том, что он один из первых, некоторыми своими произведениями, дал пример сближения литературного языка, в то время скудного и необработанного, с «простонаречием живых людей». «Душенька» издавалась много раз (2-е исправленное издание с предисловием автора вышло в СПб., 1794; 3-е — М., 1799; 4-е — у Бекетова в Собрании сочинений Богдановича; 5-е — СПб., 1809; 6-е у Бекетова, М., 1811, погибшее во время пожара Москвы в 1812 г.). До 1852 г. включительно «Душенька» выдержала около 20 изданий. Затем «Душенька» появляется только в 1885, 1888 и 1890 годах в «Дешевой Библиотеке» Суворина и в 1892 и 1893 годах в издании Иогансона. Собрание сочинений и переводов Богдановича в первый раз издал Платон Бекетов, в 6 ч. (М., 1809-1810); это издание сгорело в 1812 г. и повторено в 1818 г. в 4 ч.; 3-е — Смирдина в 2 томах (СПб., 1848) — неисправная и неполная перепечатка бекетовского. Издание Бекетова довольно тщательное: к первоначальному тексту «Душеньки» приложены изменения, сделанные автором при 2-м и

3-м издании. Но в него вошло не все написанное Богдановичем; кроме того, сочинения Богдановича расположены не в хронологическом порядке и без хронологических указаний. Библиографический указатель сочинений Богдановича и литературы о нем см. у С. Венгерова в IV т. «Критико-биографического словаря». Литература о Богдановиче, в выдержках и целиком, почти вся воспроизведена в «Русской поэзии» С. Венгерова, т. I, вып. V; в вып. III «Русской поэзии» напечатано собрание стихотворений Богдановича, с статьей профессора Незеленова и автобиографией Богдановича (из «Отечественных Записок», 1853, № 4). Статья К. Арабажина помещена в IV т. «Критико-биографического словаря», статья А. Слонимского — в «Литературном Вестнике», 1903, т. V.

А. Н. Шлосберг